
Полина Оленичева
Мальчик, который готовил.
Воспитание волшебника

Полина Оленичева

Мальчик, который готовил: воспитание волшебника

https://litres.ru/74859188
SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая мамочка решила обезопасить сынишку, "записав" в крёстные влиятельного человека, но забыв ему об этом сообщить... Как результат: малыш, осиротев, растёт у её старшей сестры и мечтает стать поваром. Что же будет, когда прошлое постучится в дверь?

Первая часть трилогии, в которой повествуется о жизни героя в обычном мире.

Содержание

Старый знакомый 4
Глава 1. Первые шаги на кухне 10
Глава 2. День рождения Дадли или: что любят змеи 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Полина Оленичева
Мальчик, который готовил: воспитание волшебника

Старый знакомый

Петуния Дурсль в изнеможении опустилась на диван в гостиной. Всю ночь Дадлик не спал — температурил из-за очередных зубок и заснул только под утро. Ну, и она тоже отключилась. В результате муж на работу ушёл голодный и злой. Да ещё это неясное предчувствие, будто случилось что…

Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали. Петуния глянула на часы — десять утра. Стук повторился. Вздохнув, невыспавшаяся женщина сердито крикнула:

— Да иду я, иду! — и уже себе под нос добавила: — Кто ж там нетерпеливый такой?

На пороге стоял очень странный старик. Если коричневый твидовый костюм, заставший, наверное, последние годы правления королевы Виктории, и феску в тон, прикрывавшую макушку, ещё можно было извинить, то длинные седые лохмы и борода чуть ли не до колен, которую, видимо, для удобства, хозяин заткнул за ремень брюк, выходили за

все рамки приличия. Незнакомец смотрел на неё печальным, всё понимающим, взглядом. Петуния фыркнула: жалости от этого субъекта она точно не потерпит!

Затянувшееся молчание разорвал звук тихого старческого голоса:

— Здравствуй, Петуния!

Та в удивлении отпрянула:

— Мы знакомы?

— Ты мне писала, — ответил странный тип и, видя сомнение в глазах собеседницы, наконец представился: — Я — Альбус Дамблдор, директор школы Хогвартс.

«Началось…»

Петуния попыталась захлопнуть дверь перед самым носом визитёра, но тот очень ловко подставил свой ботинок.

— И что же нужно директору величайшей школы волшебства от меня, простой магглы? — не скрывая обиды, высказалась Петуния. — Неужели и мы на что-то годны?!

— Мне нужно поговорить с тобой, Петуния, — вздохнул Дамблдор. — И желательно в доме: новости не из приятных…

— Вы с приятными не ходите, — проворчала та, приглашая его войти.

Проводив гостя на кухню (чтоб не рассиживался), Петуния налила две чашки «эрл грея» и достала коробку со сливочным печеньем.

— Рассказывайте уж, что кота за хвост тянуть, — про-

ворчала она, присаживаясь за стол. — Скоро у меня сын проснётся, нужно ему кашу сварить.

— Да-да, конечно, — затараторил Дамблдор. — Скажи, а ты давно видела Лили?

Петуния напряглась: при чём тут её беспутная сестрица?

— Почитай с самой своей свадьбы не видела. Её дружки-оболтусы на гостей торт «уронили», да ещё потом стояли и ржали как кони! Ну, я и попросила всех троих вон. А сестрёнка обиделась и после даже носу в дом родительский не казала, писем не писала, даже на свадьбу свою не позвала. Так что да, давно.

Пожевав по-стариковски губами, директор вздохнул (опять!) и тихо сказал:

— Лили с мужем вчера погибли.

«Так вот к чему сердце весь вечер было не на месте!» — подумалось Петунии, но вслух она сказала другое:

— А при чём тут я? Или вы даже похоронить её не можете, что к маггле пришли? Вам что, денег дать?!

Тот молча выслушал упрёки и продолжил:

— У Лили остался сын, Гарри. Она записала опекуном меня, но какой я опекун… Я с такими малышами только тетешкаться могу, а ведь их развивать надо, кормить тоже. А ты сама мама — где один, там и двое… А о деньгах ты не беспокойся — всё будет. У мальчика глаза Лили, — спрятав взгляд, надавил на больное Дамблдор.

— Где он? — жёстко спросила Петуния. Как бы то ни бы-

ло, но оставлять ребёнка у этого старика она не собиралась.

— Я знал, что ты согласишься! — не тая облегчения, воскликнул тот.

А дальше было как в цирке: ловким движением руки директор достал из своей бороды (!!!) плетёную люльку с младенцем. Слов нет, одни междометия!

— Как?! — Одним словом Петунии удалось выразить своё удивление и негодование: ну, как можно было неизвестно сколько времени держать ребёнка там — он же мог просто-напросто задохнуться! Дамблдор же добродушно подмигнул ей и пустился в объяснения:

— Нет ничего сложного! Просто чары отвлечения внимания. Старик с корзиной выглядел бы подозрительно…

«Вы в любом случае выглядели бы подозрительно», — пронеслось в голове у Петунии, но опытная мамочка взяла верх над желанием поругаться.

— Почему он такой бледный? И холодный?! — Она мигом вытащила ребёнка из переноски и начала немедленно массировать ему ручки и ножки. — Дамблдор! Что вы сотворили с ребёнком?!

— Да ничего особенного! — возмутился тот. — Он всю ночь напролёт плакал — ну, я и дал ему зелье сна без сновидений! Мне, знаете ли, даже не сорок, чтобы всю ночь не спать!

Петуния вдохнула-выдохнула и взвыла пожарной сиреной:

— А дозу снотворного вы как для себя отмерили?!

— Ну да… Зато он уснул мгновенно, и даже аппарация его не разбудила.

Петуния в ужасе смотрела на старика: да его вообще нельзя к детям подпускать! Дать младенцу взрослую дозу!

— Так, господин Дамблдор, — еле сдерживаясь, прошипела она, — вы сейчас же покинете этот дом и никогда, я повторяю: никогда не переступите его порог снова! Только скажите, что мне делать, когда он начнёт чудить. Он ведь начнёт?..

— Вы имеете ввиду, когда у него начнутся всплески магии? Не волнуйтесь, раньше пяти лет их не будет, наверное… — Заметив, что у хозяйки дома задёргался глаз, Дамблдор зачастил: — Не переживайте так, Петуния! Просто отвлеките его, найдите ему занятие — и они потеряют свою разрушительную силу!

Мальчик на руках Петунии потихоньку завозился, приходя в себя. Она тут же положила его обратно в люльку и, забрав её у директора, сухо попрощалась.

— Всего хорошего, директор Дамблдор. Номер счёта, куда переводить ежемесячную сумму на содержание племянника, я вышлю по почте. Ведь моё письмо тогда дошло. — Она занялась приготовлением завтрака уже для двух мальчишек.

Несмотря на то, что племяш открыл свои космические изумрудные омуты и сел, его кожа по-прежнему оставалась

синюшной, что наводило на нехорошие мысли. Петуния, тяжело вздохнув, взяла чашку-непроливайку и наполнила её чуть тёплой кипячёной водой. Потом, добавив туда чайную ложку соли, впихнула в ручки Гарри со словами:

— Выпей до дна, сейчас же!

Малыш сделал первый глоток и скривился, его глазки округлились до размера кофейных блюдец, но, наткнувшись на хмурый взгляд странной женщины, он безропотно продолжил пить солёную гадость.

Как только чашка опустела, Петуния резко подхватила его на руки и ловко надавила ему на корень языка. Животик малыша скрутило, и только что выпитая вода оказалась в кухонной мойке. Вместе с ней вышли и остатки зелья сна без сновидений — об этом свидетельствовал голубоватый оттенок рвоты.

— Ну, и слава Богу, — выдохнула Петуния: после этой, мягко говоря, неприятной процедуры у мальца на щёчках заиграл здоровый румянец, а с глазок спала пелена. — Вот Дадличек проснётся, и сядем завтракать. А пока идём, поищем, во что тебя переодеть.

Глава 1. Первые шаги на кухне

Прекрасно понимая, что её полуторагодовалый сыночка раза в два крупнее Гарри, а значит, тот в его вещах попросту «утонет», Петуния, вздохнув, оставила люльку в комнате Дадли, а сама направилась на чердак, где пылился чемодан с маленькими костюмчиками сына. Ползунки и распашонки были сразу же отбракованы: хоть по размеру они подходили идеально, но Гарри уже мальчик большой и наверняка знаком с горшком — замучаешься расстёгивать и застёгивать кнопки на плечиках. Поэтому Петуния отобрала несколько пижамок с мишками и машинками, которые Дадли носил в свои полгодика, а также несколько пар носочков и бельё — на первое время хватит. Однако поход в магазин детской одежды, пусть и Оксфем превратился в насущную необходимость.

Подхватив вещички, женщина тихонько спустилась с чердака, дошла до комнаты Дадли, открыла дверь — и обомлела. Гарри выбрался из переноски и, сидя на мягком ковре, играл с кубиками. Но как играл: подкидывал их вверх ручонками и с удивлением наблюдал, как они, подчиняясь всемирному закону тяготения, со стуком падали на пол. Обратив к ней непонимающий взор, мальчонка попытался пояснить своё затруднение:

— Ку! — сказал он, указывая на «непослушную» игруш-

ку. — Бах!

— Конечно, — согласилась Петуния. — Кубики падают. А ты думал, они летать будут?!

— Тать! — радостно закивало чудовище. — Ку! Тать!

— Нет, молодой человек, — как можно строже ответила она. — В моём доме игрушки не летают! Это ненормально.

— Немально? — испуганно повторил малыш.

— Не-нор-маль-но, — по слогам повторила Петуния. — Это значит: так не должно быть. Ясно?

— Яна, — тяжело вздохнул ребёнок.

* * *

Когда Вернон вернулся с работы, жена встретила его с Гарри на руках. Муж насупился, спросил, где сын и откуда этот недокормыш взялся (по сравнению с Дидди малец и вправду выглядел заморышем). Петуния привела главу семьи на кухню и, пока раскладывала ужин, рассказала всю историю появления у них в доме второго ребёнка. Тот запыхтел, как рассерженный носорог, и заявил, глядя ей в глаза:

— Я терплю ночные вопли Дадли, потому что он — мой сын. Один писк со стороны этого — и я оформлю его в детдом!

Гарри будто понял. Он очень серьёзно посмотрел на Вернона и кивнул. А потом слез с рук тётки. Та, казалось, не обратила внимания — наверху вновь захныкал сыночка, и Петуния полетела успокаивать деточку.

А на следующее утро Дурслям из местного отделения бан-

ка Англии пришло уведомление об открытии на их имя депозитного счёта и наличии там ста двадцати фунтов (к нему прилагалось письмо на гербовой бумаге с печатью Гринготтса, что данная сумма будет переводиться на счёт ежемесячно). Очевидно, Дамблдор не стал тянуть резину, а, проконсультировавшись с юристами, без задержек перевёл деньги на содержание своего подопечного. А ещё через день в почтовый ящик бросили конверт формата А4 с полным пакетом документов на ребёнка: свидетельство о рождении Гарри, о взятии под его опеку, о браке и смерти его родителей, а также медицинская страховка — всё, что необходимо для легализации малыша в обычном мире. Этот факт примирил Вернона с присутствием в доме лишнего рта.

Гарри, потихоньку исследовав дом, стал регулярно зависать на кухне. Он не мешал, нет. Садился у входа на стульчике и сидел, смотрел — внимательно так. Петуния несколько раз порывалась прогнать мальчонку, но в последний момент останавливалась: а вдруг он с матерью привык так? Вот и повелось: глянет исподлобья на мальца — и к своим делам возвращается.

Только нет-нет, да задумается: что она малому скажет, когда тот начнёт про маму-папу расспрашивать? Ведь у неё даже крошечной фотографии их не осталось. Лили, как специально, всё подчистую выгребла, когда к своему женишку сбегала.

Чета Дурслей, посоветовавшись, решила сразу расставить

все точки над «i» в отношении к ребёнку: он должен знать, что не родной, чтобы впоследствии, когда за ним придут, это не стало шоком. Вернон настаивал: мальчишка должен быть одет, обут, накормлен, не должен отставать в развитии, а вот сюсюкаться с ним — это уже лишнее.

Гарри поселили в комнату к Дадли, чтобы не разбирать игровую. Блондинчик поскандалил немного, но, убедившись, что игрушки соседа не интересуют, а мама относится с прохладцей, перестал обращать на него внимание.

* * *

Гарри каждый день чуть свет прибегал на кухню и следил за тётушкой, которая, сама того не подозревая, начиная заниматься любимым делом, сильно менялась. Куда девалась вся напряжённость и раздражительность? В такие минуты Петунию можно было сравнить с художником у мольберта.

Малышу очень хотелось поучаствовать в процессе, но попросить он боялся. Вот и сидел тихонечко на стульчике, как мышь под веником. А вдруг позовут? Так прошли четыре года.

Всё изменилось на его пятый день рождения.

По какой-то неизвестной причине в Дадли проснулось любопытство: куда это сосед исчезает из комнаты ни свет ни заря? Поэтому, проснувшись заранее, он проследил за чужаком до кухни, а заметив восторг в зеленющих глазах, смотрящих на священнодействия Петунии, сильно испугался: а вдруг он отберёт у него маму?! «Не бывать этому!», — ре-

шил Дадли, и влетев ураганчиком на кухню, столкнул задохлика с его места — нечего на его маму заглядываться!

Гарри упал, ударившись коленками и ладошками, и от испуга заревел — громко. Это был его первый плач в этом доме. Дадли со страхом оглянулся на мать: что-то будет… Петуния уже сделала шаг в его сторону, как случилось нечто невообразимое: вся свободная утварь — от кастрюлек и ковшиков до ножей и вилок — закружилась вокруг мальчишки, поблёскивая начищенными боками.

В первый момент женщина схватилась за сердце, ведь ножи были острыми, а некоторые кастрюли — тяжёлыми… Что останется от её худосочного племянника, если это всё на него свалится?!

Тут на память пришёл давний разговор с Дамблдором, вещавшим, что до пяти лет магия не проснётся. А что делать при выбросе? Гадкий старик так и не сказал…

Взглянув на племянника, Петуния заметила, что тот, заворожённо глядя на парад кастрюль, больше не плачет. Рядом, разинув рот, стоял Дадлик. «А он-то что забыл на кухне в такую рань? Ладно, будем решать проблемы по порядку, начиная с самых глобальных: первым делом остановить полёт посуды», — метались мысли в голове несчастной женщины.

— Гарри, ты меня слышишь? — осторожно спросила она, а сердце так и стучало пойманной пташкой.

Мальчик, не отрываясь от чудесного зрелища, как же —

кастрюли-сковородки его утешают, — энергично кивнул.

— Вот и умница, — впервые похвалила его Петуния. — А теперь попробуй вернуть всё на место. Только осторожнее, не урони.

«Вот так, будто ничего особенного не случилось. Главное, не заострять внимание на событии — тогда у ребёнка не возникнет желания его повторить». — Всё же чтение книг по детской психологии очень пригодилось.

Гарри понятливо кивнул, закрыл глазёнки и мысленно взмолился: «Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!» А потом одним глазом с интересом наблюдал, как кастрюли-сковородки-ложки-поварёшки послушно разлетелись по своим местам. Ещё раз кивнув, на этот раз удовлетворённо, он послал кухонной утвари последнюю мысль: «Спасибо за помощь!», а когда увидел весёлых солнечных зайчиков, одномоментно вспыхнувших на всех поверхностях, понял, что это был ответ: «Не за что. Приходи, поиграем ещё!»

Сердечный ритм Петунии восстановился.

— Дадли, иди к себе. Помоги Гарри собрать вещи: с завтрашнего дня он будет жить внизу, поближе к кухне.

Счастливый бутуз побежал в комнату. Пожертвовав свою старую спортивную сумку, где до этого пылились принадлежности для бассейна, Дадли быстренько запихнул туда все вещи бывшего соседа и, прихватив его рюкзачок с учебниками и тетрадками, спустился обратно к кухне. Задыхаясь от быстрого бега, он спросил маму:

— Куда?

— Поставь пока у двери в чуланчик, папа придёт — решим.

Странный ребёнок подбежал к двери под лестницей и, открыв её, осмотрел помещение — оно оказалось небольшим, всего-то полтора на полтора, притом заставленное всякой мелочёвкой. Вынырнув оттуда, он кинулся на тётку с объятиями и благодарностями.

— Спасибо, спасибо, спасибо!

— Ты уже большой мальчик, Гарри, поэтому с завтрашнего дня будешь мне помогать, — строго сказала Петуния, с удивлением рассматривая сиявшего, аки солнышко, племянника. — И первое твоё задание: подготовить комнату к переезду. — Перед Гарри появилось средних размеров ведро и половая тряпка. — Сначала вытащим оттуда всё лишнее, а потом ты вымоешь пол.

Работа закипела: бутылки с бытовой химией нашли себе место в шкафчике в ванной, а тряпки и вёдра были сложены там же под раковиной. В каморке остались два стеллажика, на которые, предварительно отмыв полки, Петуния расставила учебники и художественную литературу Гарри. Вечером, когда домой вернулся Вернон, обстановка бывшего чулана обогатилась добротным креслом-кроватью — синим в крупную красную клетку, — а также классической деревянной партой со скошенной столешницей. Покряхтев, дядюшка добавил ко всему ещё и бра над письменным столом

— «чтобы не тратиться потом на офтальмолога, если зрение у оглоеда сядет из-за того, что он в темноте сидит». А чтобы малец не сильно радовался, его предупредили, что содержать свою комнату в чистоте он должен сам, иначе получит по первое число. Впрочем, угрозы не возымели действия — Гарри был доволен, как слон: у него была собственная комната, где он мог заниматься своими делами и никто не будет портить его вещи.

* * *

На следующий день в шесть часов утра Петуния подошла к каморке Гарри и уже собралась постучать, как дверь распахнулась и на пороге показался племянник, у которого сна уже не было ни в одном глазу.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался он. — Что мы сегодня будем готовить?

— Какой ты шустрый! — усмехнулась тётка. — Мал ещё: посуду мыть будешь. И не приведи Господи, если разобьёшь.

Гарри огорчился, но ненадолго — мыть посуду тоже дело ответственное.

— Пока я сковородку на огонь ставлю, — продолжала ворчать Петуния, — иди, приведи себя в порядок: умойся, причешись. Грязнулям и неряхам на кухне нет места — ничего путного не сготовишь.

Племянник помчался выполнять поручение — только его и видели. Женщина покачала головой и грустно улыбнулась: она-то знала, как быстро проходит запал. Также было и с Ли-

ли — стоило ей понять, что на кухне нет места баловству и колдовству, как она охладела к кулинарии, — обидно. За грустными размышлениями Петуния не заметила возвращения Гарри — тот как обычно примостился у входа на табуреточке. Оглядев его критическим взглядом, она махнула в сторону окна:

— Иди к колонке — вон тому высокому шкафу, — открой дверцу и выбери себе фартук по вкусу. — Лили тогда накупила себе самых разных — и в цветочек, и в полосочку, и с рождественскими рисунками, а Петти, мечтая о дочке, сохранила. — И бандану на голову надень!

— Слушаюсь, тётя! — ответил Гарри. Перебрав все фартучки, он выбрал двусторонний синий, с завязками по бокам, а косынка в тон торчала из широкого кармана на подоле. Остальные были аккуратно убраны на место. — Я готов!

Бросив на мальчишку ещё один взгляд, женщина удовлетворённо кивнула: теперь, даже если он и намочится, с одеждой ничего не случится — и средство для мытья посуды, и жирные брызги останутся на фартуке. Нахмурившись, Петуния предупредила:

— Заруби себе на носу, Гарри: без фартука и с непокрытой головой на кухне не появляйся. Пятна от жира и соков, а также многих других продуктов очень тяжело выводятся. — Затем поставила к мойке скамеечку и, указав на неё, пояснила: — Ты пока ростом не вышел, так что не вздумай без этой приступки работать: всю кухню мне водой зальёшь.

— Хорошо, тётя, — ответил Гарри.

Вскоре на раскалённой сковородке зашкворчал бекон — пора разбивать яйца, четыре штуки: по два каждому взрослому. Детям же как обычно разведут мюсли — овсяные, рисовые или пшеничные хлопья с орехами и сухофруктами. Гарри узнал, что по утрам дядя пьёт американо — чёрный кофе без сахара; тётя, как истинная англичанка, всем напиткам предпочитала чай, а детям наливают сок — обычно фруктовый (апельсиновый, яблочный), но раз в неделю обязательно овощной (морковный, сельдерейный или свекольный).

— И ещё запомни, Гарри: на кухне всегда должно быть чисто. Особенно во время готовки. Освободилась какая-нибудь посудина — чашка там или тарелка, тем более кастрюля, — сразу мой, не складируй. А то, пока ты порядок наведёшь, все домашние с голоду озвереют…

Гарри от восторга чуть не пищал: ещё ни разу с ним столько не разговаривали. Он, чтобы не расстраивать тётю, старался запомнить всё по максимуму и от порученной работы не отлынивал.

Как только завтрак был готов, Гарри под чутким руководством тётки накрыл на стол — пока только для дяди, ведь ему на работу, — а они чуть позже поедят.

Петуния отметила, что у племянника, несмотря на его нежный возраст, любое дело в руках спорилось: что вчера, когда он мыл пол в своей комнатушке, что сейчас. И посуда,

и сервировка стола — всё почти идеально. Значит, не просто так он четыре года за ней наблюдал — может, и выйдет толк из мальчонки.

Затем были обед и ужин, и каждый раз Гарри с радостью помогал: где посуду помыть, где продукты из холодильника достать (до полок он ещё не дотягивался — ростом маловат).

Постепенно Петуния раскрывала перед ним мир кулинарии: сначала, конечно, теория — чем сковородка отличается от сотейника и кастрюля от ковшика. И, конечно, способы готовки: жаренье, тушение, бланшировка — и всё это в процессе приготовления пищи. Она с упоением вещала, что она делала, как и почему так, а не иначе. А Гарри жалел об одном: что не мог это всё записать — слишком большой объём информации, а писал он пока медленно и с ошибками. «Вот был бы такой прибор, где можно свои воспоминания просматривать», — мечтал он.

* * *

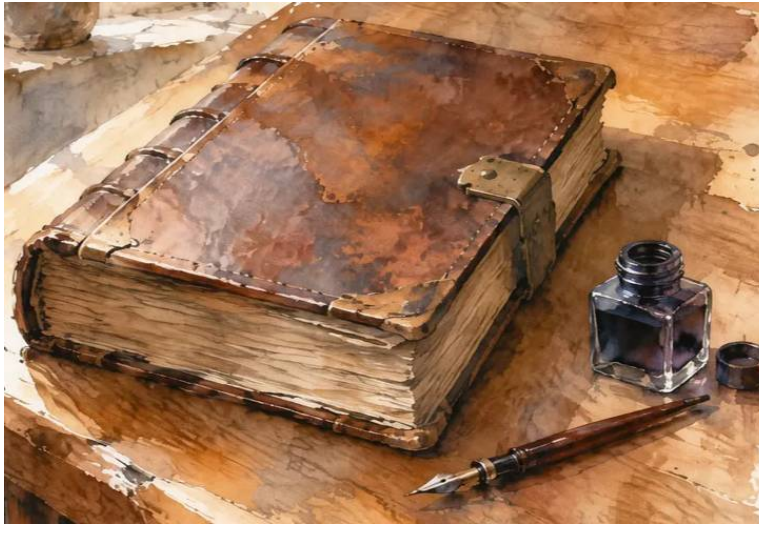
А в конце года тётя Петуния занялась с Гарри каллиграфией — стала учить его писать пером. На удивлённые расспросы она скупо отвечала, что это укрепит его пальчики и поможет избежать травм при работе с ножом.

Теперь Гарри с удовольствием смотрел во время отдыха не глупые мультики, а магазин на диване, внимательно слушая рассказы о разной посуде и разнообразии ножей.

Заметив, с каким вниманием он следит за очередным кулинарным шоу, Петуния, хорошенько порывшись в закро-

мах, достала из старого сундука на чердаке ещё бабушкин гастрономический справочник и принесла его Гарри. У того возникло чувство, будто наступило внеплановое Рождество. Теперь он с удовольствием писал строчки, переписывая понравившиеся ему статьи в тонкую тетрадь.

Она закончилась даже слишком быстро: строчки были нереально ровными для его возраста, а взгляды на законченную тетрадь — такими тоскливыми, что Петунья тяжко вздохнула, и одним солнечным днём Гарри на своей парте нашёл огромную амбарную книгу в твёрдом кожаном переплёте.

Внутри были плотные кремовые листы бархатистой на ощупь бумаги, на которые тушь ложилась просто идеально.

Теперь, когда на кухне все дела были переделаны, Гарри можно было найти корпящим над собственной книгой рецептов.

Глава 2. День рождения Дадли или: что любят змеи

Прошли ещё два года. Гарри был вполне доволен своей жизнью: старшие Дурсли его не травили, у него был собственный угол, где можно было заниматься чем угодно, было даже увлечение, трепетно поддерживаемое тёткой. Сколько он себя помнил (лет с пяти, если быть точным) взрослые общались с ним на равных, без сюсюканий и пришепётываний, чему Гарри был несказанно рад. Единственное «тёмное пятно» на солнце его существования — кузен Дадли, отчего-то категорически открещивавшийся от родства с ним. Правда, сейчас недовольство толстяка ограничивалось ворчанием и едкими замечаниями: первая же попытка избить «захватчика» — кстати, вполне себе удачная — закончилась для Дадли грозным предупреждением, что ещё раз — и он будет помогать на кухне вместо Гарри. С тех пор отношения ребят перетекли в состояние вооружённого нейтралитета: Гарри и раньше-то не сильно интересовался кузеном, а тот, при родителях усиленно изображая равнодушие, пытался побольнее уязвить, стоило тем отвернуться.

Тем сильнее был шок от, в сущности, доброжелательного обращения громилы.

— Хей, бро! — послышалось от дверей кухни, где Гарри

по обыкновению «завис» над своим «гримуаром» (этим таинственным словом он величал поваренную книгу, куда рецепты заносились исключительно пером). — Опять киснешь над своей книженцией? Приготовил бы чего интересное — вон рецептов сколько. — И, лукаво сощурившись, Дадли добавил: — Или слабо?

У Гарри, в жизни не ведшегося на провокации, засвербело. Он толкнул книгу к Дадли через весь стол и разрешил:

— Выбирай!

Дадли, помуслив пальцы, пролистал до раздела «Десерты», открыл на случайной странице, где на развороте крупными буквами было выведено таинственное «Панна Котта», и «запустил» томик в обратный путь.

— Вот, — определился мини-боров, — хочу это на день рождения. Если сделаешь, так уж и быть, признаю наше родство — значит, действительно ты мне брат: моя мама вкусно готовит. По рукам?

— По рукам! — ответил Гарри, и даже не потому, что жаждал признания от Дадли — просто ему самому очень хотелось попробовать именно этот рецепт, а до самостоятельной готовки тётушка его ещё не допускала. Однако помощь в данном случае исключалась.

Внимательно изучив рецепты, Гарри решил, что приготовит оба варианта: с мандариновым желе для себя и Дадли, а

для взрослых — кофейный. Сам по себе рецепт несложный, но из-за того, что в него входил желатин, застывал десерт в холодильнике, причём как минимум часов пять. Тётушка, скорее всего, вообще запретила бы «издеваться над продуктами», ибо считала, что они полезнее в живом, а не в желированном виде. Отсюда вывод: продукты для эксперимента придётся закупать «на свои», а их ещё надо заработать, ну, и готовить придётся после «отбоя» или когда тётушки не будет поблизости. Если с готовкой более-менее ясно, то где можно заработать семилетнему мальчишке? Понаблюдав за соседями, Гарри выяснил, что без особых хлопот насобирает нужную сумму, если в течение следующего месяца будет стричь газоны и мыть машины. А на оставшиеся деньги и себя можно будет порадовать. Поттер договорился с двумя пожилыми парами, что за пару фунтов в неделю будет косить траву на их участках, и началась гонка: подъём в шесть, готовка завтрака, уборка, стрижка газонов, поход в магазин и снова готовка. Дадли наблюдал за этим и только ехидненько усмехался.

Наконец, до момента «Х» (дня рождения Дадлички) остались сутки. Старшие Дурсли подхватили сынулю и повезли за подарками, а Гарри с лёгким сердцем остался на хозяйстве. Переделав все свои дела и попрощавшись с работодателями, он отправился в ближайший супермаркет за ингредиентами для своего эксперимента: сливки 20% — 600 мл, желатин быстрорастворимый — 20 гр, три мандарина, паке-

тик Nescafé — тётя растворимый кофе не держала, — пакетик ванилина и пакетик кокосовой стружки. На всё про всё ушло пять фунтов. Теперь домой — перечитать рецепт и по возможности приготовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.